

*Моей маме Лиз Зидельманн (1942–1990)
Ты всегда часть моей жизни*

1

Здесь не видно звезд. В небе — а в Сингапуре оно не черное, а мутное, желтовато-серое, — появляются и исчезают призрачные размытые пятна.

— Сегодня не видно звезд, Фрэйя. — Мама говорит так всегда, когда ей грустно. Даже если день на дворе.

Интересно, здешние звезды и правда невидимки или дело во мне?

Я оставляю попытки отыскать хоть какую-нибудь звезду и устраиваюсь на широком низком подоконнике, откинувшись на подушки. Единственный звук в притихшем доме — негромкое жужжание кондиционера. Он обдувает мои плечи прохладным воздухом. Разлетающиеся пряди волос лезут в глаза. Я думаю, что надо бы перевязать хвостик.

Уже полночь, а сна у меня ни в одном глазу. Часы все еще показывают датское время. Шесть. Не хочу пока переводить их на сингапурский часовой пояс. У меня, наверное, джетлаг: такое ощущение, что организм совсем запутался.

Не знаю точно, когда закончилось вчера и началось сегодня. Они будто слились в один бесконечный день, вместивший в себя слишком много событий. Помню, я посмотрела на часы ровно сутки назад, в шесть. Как раз когда тетя Астрид, мамина сестра, передала меня папе в аэропорту Копенгагена, словно я посылка.

Снаружи кончики веток царапают стекло. Дерево так близко, что мне кажется, я могла бы допрыгнуть до ближайшей толстой ветки, если придется спасаться бегством. Вот только куда мне бежать?

От Сингапура до дома десять тысяч семьдесят один километр. Невозможно и представить такое расстояние. Однажды мы с моим скаутским отрядом ради значков прошли за день тридцать километров. А чтобы вернуться к маме, даже если я каждый день буду столько проходить, мне понадобится больше одиннадцати месяцев.

В свете желтоватого небосвода я различаю предметы в комнате. Из открытого чемодана, лежащего на полу, вываливаются шмотки, которые мне пришлось разрыть в поисках пижамы. Кроме нее я достала только две вещи: компас и швейцарский армейский нож, который папа подарил мне прошлым летом на мой одиннадцатый день рождения.

Бинбэг привалился к стеллажу.

Над кроватью висят два постера в рамках. На одном гора Эверест, на другом водопад в джунглях. Возможно, их выбрал папа. Но только их. Все остальное в комнате розовое и девчачье. Она выбирала. Моя мачеха. Клементина.

Я открываю окно, чтобы получше рассмотреть дерево, ведь скаут должен быть всегда готов. Горя-

чий воздух, хлынувший с улицы, такой липкий и густой, что заставляет меня раскашляться. Явно где-то что-то горит. Это немного успокаивает, потому что запах костра — мой самый любимый.

Треск цикад и какой-то более громкий звук — кваканье лягушек или, может, жаб — звучит как оркестр во время настройки. Я надеюсь, если это жабы, то они съедобные, в отличие от тех, которые водятся у нас в Дании. Спрошу завтра папу. Судя по звукам, их тут тьма, и они могут пригодиться в ситуации выживания.

Хорошо, что у меня в чемодане есть веревка, потому что ближайшая толстая ветка дальше, чем я думала, а прыгать со второго этажа слишком рискованно. Внизу уличные фонари освещают крытую террасу. Видно часть шезлонга возле бассейна. За бассейном, который даже не огорожен, лужайка, где в тени аккуратного ряда пальм и цветущих кустов валяется опрокинутый трехколесный велосипед. В конце сада высокая живая изгородь закрывает дом от соседских взглядов, и там что-то движется.

Какой-то высокий человек бредет вдоль изгороди. Он разговаривает. Я закрываю окно почти до конца, отползаю назад, пока не оказываюсь на полу на коленках, и выглядываю в сад.

Человек уже совсем рядом с домом и как раз выходит из тени от деревьев. Свет с террасы падает на его светлые волосы. Это папа! У него, наверное, опять переговоры с Нью-Йорком или Лондоном.

Я поднимаюсь и высовываюсь из окна.

— Пап, — зову я театральным шепотом, ожидая, что он обернется и помашет рукой.

А он не отвечает. Все еще бормоча под нос, с пустыми, безвольно опущенными руками, он

поворачивает и удаляется от дома. На нем пижамные штаны и футболка. Никаких карманов. Где же телефон?

— Пап! — снова зову я, немного громче. Он по-прежнему не реагирует. Почему он меня не слышит, если я слышу его? И с кем он вообще разговаривает в такой час, да еще не по телефону?

Когда папа доходит до изгороди и снова меняет направление, за ним по пятам начинает следовать яркое пятно. Похоже на человека. По мере их приближения к дому я вижу, что это девочка в белом платье до колен. Грациозная, как балерина, она изгибает длинную шею. Одна тонкая рука с обращенной вверх ладонью тянется ко мне — не то танцевальное движение, не то мольба о помощи.

Папа больше ничего не говорит и совсем не обращает внимания на девочку. Кажется, будто он ее вообще не замечает. Прежде чем вынырнуть из тени, девочка делает пируэт и отворачивается, взметнув длинные, до пояса, волосы.

Кто она? И что делает здесь среди ночи?

Я прыгиваю вниз и роюсь в чемодане в поисках своего большого фонарика. Но когда возвращаюсь, девочки нигде не видно. И папы тоже.

Скрипят ступеньки. Папа проходит мимо моей комнаты. Если ему тоже не спится, может, нам вместе пойти вниз и устроить ночные посиделки? Хочу расспросить его о девочке.

В несколько прыжков одолев расстояние до двери, я открываю ее и высовываю голову как раз в тот момент, когда закрывается дверь в спальню взрослых. В тусклом ночном свете снова замечаю буквы. Деревянные буквы-зверюшки, приклеенные к моей двери.

Фламинго, рысь, эму, йоркширский терьер и ящерица. Вместе получается мое имя: ФРЭЙЯ.

Я помню, когда была маленькая, у меня на двери были такие же буквы. Правда, по-моему, была еще мартышка. В моем имени нет «М», так что, наверное, память обманывает.

Буквы напоминают мне, что все это не каникулы. Что это моя комната. Моя комната на год вперед, в моем новом доме, с моей новой счастливой семьей.

Кинув последний взгляд на сад, я падаю на кровать и лежу на спине, рисуя фонариком круги на потолке. В освещенной зоне оказывается маленький геккон. Клементина называет их «ящерицами»: именно так она выразилась, когда криком звала папу, чтобы он убрал одного с первого этажа. Этот висит на своих хорошеньких миниатюрных ручках и ножках прямо у меня над головой. Его крошечное сердце заставляет трепетать резиновое тельце.

— Привет, Лиззи¹, — говорю я шепотом.

Держись там, словно бы говорит она. И по-прежнему вниз головой перебирается на стену и прячется за рамой картины с Эверестом.

Но я не уверена, что смогу держаться.

Я заворачиваюсь в одеяло и пытаюсь вообразить, что это мама обнимает меня — совсем как вчера утром, когда она все твердила сквозь всхлипывания, какие передо мной открываются чудесные перспективы. Она так сильно плакала, что даже мои щеки стали мокрыми от ее слез. Я не плакала — я никогда

¹ Ящерица по-английски Lizard, отсюда Lizzie — Лиззи. (Здесь и далее примеч. пер.)

не плачу, — но я не выпускала маму из объятий. Когда тетя Астрид сказала, что нам пора, медсестре пришлось помогать ей разнять нас.

Фальшивые объятия не работают.

Когда я разматываю одеяло, оно задевает тумбочку рядом с кроватью. Розовый абажур трясется. Мой швейцарский армейский нож со стуком валится на пол.

Я поднимаю его — в руку ложится знакомая гладкая форма; нож холодный, но у меня в ладони под подушкой быстро отогревается. Мое сердце начинает бешено колотиться при воспоминании о том, как я чуть было не лишилась его. Если бы папа не напомнил мне проверить карманы, прежде чем загрузил мой чемодан на багажную ленту, его забрала бы служба безопасности аэропорта, и это была бы настоящая катастрофа.

После развода я много раз одна летала в Лондон к папе. И никогда не забывала переложить нож в багаж. Но пока мы стояли в очереди к стойке регистрации, папа и тетя Астрид долго шушукались о маме, и из-за этого у меня все вылетело из головы.

Тетя Астрид накручивала на большие пальцы рук супердлинные рукава своего вязаного кардигана, растягивая дырки между петлями. Я стояла позади, и до меня долетали отдельные фразы и пушинки оранжевой пряжи.

Она дважды сказала: «Фрэйе надо жить в нормальной, счастливой семье» и трижды: «Я не виню тебя, Уилл». А один раз тихо прошептала: «Теперь Марианна сможет сосредоточиться на выздоровлении, не беспокоясь о Фрэйе», но я услышала это так отчетливо, словно она прокричала слова в мегафон,

потому что это единственная причина, из-за которой я согласилась уехать из дома. Уехать от мамы. Может, без меня она наконец сможет перестать все время грустить.

От мыслей о маме у меня начинает болеть живот. Я встаю и возвращаюсь к окну, посмотреть, не появилась ли снова та загадочная девочка.

В саду ни малейшего движения, и я не могу дожидаться утра, чтобы расспросить о ней папу.

На цыпочках дохожу до двери большой спальни. Дома я бы просто завалилась в комнату и устроилась рядом с мамой под одним одеялом. Но здесь... Я поднимаю руку, чтобы постучать, и вновь опускаю ее. Если и постучу, не обязательно ответит папа.

На обратном пути к себе я торопливо прохожу мимо другой двери с деревянными буквами. Там целый зоопарк (быки, львы, дикобразы, прочие звери, а мартышек нет) составляет имена «Билли» и «Эдди».

Мысли перескакивают на то, как мы с папой сидели в огромном самолете, направляющемся в Сингапур. Он взял мою руку в обе свои и сказал: «Я очень, очень счастлив, что ты будешь жить с нами. Обожаемая старшая сестра для близнецов».

Уверена, он почувствовал, что я пытаюсь выдернуть руку, потому что сжал ее еще сильнее. Но к тому времени дорога назад была отрезана: двери закрыли, и самолет уже катился на взлетную полосу.

«Падающая звезда исполнила твое желание», — сказала я.

«Точно. Отличная была неделя, верно?»

Я кивнула.

Прошлым летом во время нашего сплава на байдарках в шведской глуши я использовала все тридцать

два инструмента своего швейцарского армейского ножа — даже рыбчистку и специальную вилочку для вытаскивания крючка из пасти рыбы. Это были лучшие каникулы в моей жизни. По крайней мере, до последнего вечера.

Мы целый день гребли, а вечером поужинали двумя пожаренными на костре форелинами, которых я сама выловила и выпотрошила. Как и в предыдущие вечера, мы лежали на ковриках между палаткой и костром. Папа рассказывал истории из своей молодости, когда он ходил в горные походы. А я — как мы построили плот в скаутском лагере. Мы смастерили его из старых канистр из-под масла, бревен и веревки: надо было спастись от воображаемого лесного пожара. Во всей скаутской жизни это мое самое любимое — учиться выживать.

Триллионы ярких звезд расцвечивали темно-синее небо. А потом одна из них покатилась вниз, оставляя за собой сверкающий след. И папа сказал: его мечта — чтобы я приехала в Сингапур жить с ними. Это все испортило.

Папа улыбался, сидя рядом со мной в самолете, словно совершенно забыл, как я сказала — нет. Словно не знал, что я еду с ним против своей воли.

И вот я тут, на другом конце света.

Вернувшись в кровать, я пытаюсь обнаружить Лиззи, не включая фонарик. Мне это не удастся, и я закрываю глаза, но уснуть невозможно. В голове слишком много новых впечатлений: громадный самолет, бесконечный лабиринт выложенных ковровином переходов в аэропортах, пальмы, и всякие экзотические цветы, и искусственный водопад в охлажденном кондиционерами терминале.

За пределами терминала воздух был такой горячий и влажный, что казалось, будто тебя обнимает кто-то потный и неприятный. Но не успела я стянуть толстовку, как мы запрыгнули в ледяное такси, и папа быстро продиктовал адрес.

— ЕСР *можно*? Пробка на PIE¹, lah*². — Таксист прищурился, глядя на нас в зеркало заднего вида.

— *Можно*, — ответил папа. Как и во время ожидания багажа и на паспортном контроле, он не переставая строчил сообщения в телефоне.

— А я не знала, что ты говоришь по-китайски, пап.

— По-китайски? Ха! — Он наклонился ко мне и прошептал: — Это английский. Точнее синглиш. Все лишние слова в разговоре обрезаются.

— Люди здесь, наверно, очень заняты, раз у них нет времени говорить полными предложениями.

— Тут ты права. — Он снова уставился на экран, наморщив лоб.

Водитель то и дело разгонялся и тормозил, отбивая ритм по педали газа. Меня мотало вперед и назад, а потом даже слегка затошнило. Я прислонилась лбом к стеклу.

Корявые шишковатые деревья простирали свои руки над всеми восемью полосами шоссе. Сквозь паутину из веток пробивались лучи заходящего солнца.

Папа говорил по телефону, что-то о контрактах и долларах.

Когда мы въехали на мост, перекинутый высоко над кронами деревьев, на горизонте передо мной вы-

¹ ЕСР (East Coast Parkway) и PIE (Pan Island Expressway) — крупные сингапурские скоростные автомагистрали.

² См. глоссарий в конце книги.

росло громадное чертово колесо и силуэты зданий самой причудливой формы. И все это на фоне полыхающего оранжевым неба.

Я выпрямилась. Мне не приходилось видеть ничего подобного. Как будто машина времени перенесла меня на некую футуристическую планету. Но рассмотреть здания не удалось: они скрылись, а мы очутились на оживленной дороге с горящими огнями и толпами людей. Пару минут спустя людей стало гораздо меньше, а деревьев больше — ровных рядов деревьев, — и появилось много высоток; иные такие узкие, что выглядели спичками, которые запросто можно сломать.

Такси остановилось на тихой улице, перед воротами, ведущими к отдельно стоящему двухэтажному дому. Папа нажал на звонок у ворот, и дверь распахнулась.

Навстречу выскочили близнецы, вопя: «Папа, папа!»

Поставив чемоданы на землю, папа подхватил обоих сразу и закружил. Все они смеялись. Клементина неловко притянула меня к себе одной рукой, так что ее подбородок стукнулся о мою щеку. Она спросила меня, как прошел полет, прежде чем присоединиться к их общим семейным объятиям. Счастливым семейным объятиям.

Она высвободила одну руку и протянула ее в мою сторону, подзывая меня жестом, но тут Эдди или Билли — я их не различаю — сполз вниз. И затеял игру в машинки. Потом за ним последовал брат, семейные объятия распались. Мальчишки понеслись друг за другом по направлению к дому, убегая от меня. И к лучшему, наверно.

3

Когда я просыпаюсь, вдоль края плотных штор бежит яркая полоска света. На моих часах шесть, так что здесь, видимо, полдень. Мне не терпится спросить папу про ту девочку и узнать, какой маршрут он запланировал для нас на сегодня.

Из соседней комнаты доносится визг и тихий голос Майи, утихомиривающей близнецов. Майя — их няня, а еще она убирает в доме и готовит. В нашу последнюю встречу — до того, как они переехали из Лондона в Сингапур, — мальчики умели только ползать и были слишком малы, чтобы навредить себе всерьез. А теперь они носятся везде, забираются на все подряд, падают. Надо найти способ избежать их.

Я надеваю свои штаны-карго, в карманах что-то брякает. Они слишком жаркие для Сингапура, но ни в одних моих шортах нет столько удобных карманов, а мне надо куда-то сложить компас, карту, швейцарский армейский нож, блокнот и весь остальной набор для выживания, если мы с папой идем в пеший поход.

Мою лицо в своей собственной ванной. В душ идти нет смысла, если впереди хайкинг. Хотя я подержала холодный кран открытым, вода все равно остается тепловатой. Лиззи-ящерица следит за мной с верхнего края зеркала. На голове у меня суший бардак. Когда я затягиваю волосы в хвост, Лиззи одобрительно кивает.

Спускаясь вниз, рассматриваю большое открытое пространство. Справа гостиная: два белых дивана, подушки пастельных тонов, маленькие столики с вазами и цветами — что-то из глянцевого журнала. На прошлой неделе в комнате ожидания в клинике тетя Астрид рассматривала похожую картинку с такой же белой мебелью и детишками в белых платьицах и отглаженных рубашечках, посмеивалась и говорила:

— Думаю, клубничное варенье в этом доме не едят.

Слева от лестницы столовая и дверь в кухню. На дальнем конце стола разложена одна салфетка под приборы. Клементина сидит с другого края. Солнцезащитные очки, сдвинутые наверх, удерживают ее блестящие черные волосы. Длинные красные ногти стучат по клавиатуре ноутбука.

— Добртро, — буркаю я.

— Доброе утро, Фрэйя. — Она оборачивается ко мне, широко улыбаясь, как будто и правда рада меня видеть. — Ты хорошо спала? Голодная? Чего хочешь? Тосты? Йогурт? Фрукты? Апельсиновый сок?

Я пожимаю плечами и киваю. Она неторопливо идет на кухню босиком — вчера вечером объяснила, что они здесь обувь в доме не носят, — и притаскивает поднос с едой, которую обычно дают в гостиницах. Включая клубничное варенье.

— Майя с утра приготовила все для тебя и двух мартышек.

— Спасибо.

— Сейчас я только пост опубликую, — говорит она, пока я беру кусок дыни.

— А где папа? — спрашиваю я, когда она закрывает крышку ноута.

— Твоему папе пришлось поехать в офис.

— Он уехал?

Я кладу только что намазанный маслом тост обратно. Поверить не могу, что в мой первый день в Сингапуре папа ушел на работу! Он сказал мне, что у него выходные до конца недели, и мы сможем вместе исследовать остров.

— Но ты посмотри, какой он приготовил для тебя сюрприз. — Клементина протягивает мне подарочную упаковку.

Внутри новенький айфон.

— Тут все уже установлено, и вай-фай подключен, и я вбила номера твоего папы и мой, прежде чем завернула, — говорит Клементина. — Попозже обсудим правила, сколько ты на нем играешь.

Жалко, что все это сделал не папа. Может, и телефон не он сам покупал. Ее голос доносится будто издали. Кусок тоста разбухает у меня во рту и не хочет проглатываться.

— Я знаю, у твоей мамы не было... эээ... возможности пройтись с тобой по магазинам, так что я купила кое-что жизненно необходимое. — Она берет с одного из стульев три блестящих пакета. — Так здорово оказалось покупать что-нибудь девчачье, хоть раз в жизни...

Она начинает вытаскивать шмотки из пакетов и раскладывать их на столе. Белый топ с рюшечками,

розовые шорты с бахромой на штанинах, красный слитный купальник, бледно-розовый раздельный купальник с рюшками и к нему пляжный сарафан, белое летнее платьице, платье в розовый горох и две пары сланцев — розовые и красные.

— Не могла выбрать, так что взяла обе пары, — хихикает она. У обеих пар есть резинка на пятке, как у маленьких.

В последний раз я надевала платье в третьем классе. На годовщину свадьбы тети Астрид и дяди Пола. Мама заметила, что под юбкой у меня шорты, только когда мы с двоюродными братьями затеяли догонялки на танцполе. Это один из немногих случаев на моей памяти, когда она по-настоящему безудержно хохотала.

Я знаю, мне положено испытывать благодарность, и я стараюсь улыбнуться, но представить не могу, что когда-нибудь надену хоть что-то из этого. Рюшечки и белоснежные тряпочки в высшей степени бесполезны в ситуации выживания. Да вдобавок тотальный дефицит карманов. Мама никогда бы мне такое не купила.

Эту мысль я отодвигаю подальше. Не мама покупала мне ту одежду, которая сейчас на мне. Ее купила тетя Астрид.

Я сглатываю. Кажется, кусок тоста все еще у меня в горле.

— Полагаю, это не совсем твой стиль, так что я подыскала тебе еще такое.

Клементина вытаскивает три простые футболки и двое шортов с карманами. Одни светло-коричневые, другие моего любимого оттенка — оливково-зеленого. У обоих на боковых карманах вышиты цветочки,

но сами карманы такие большие, что вышивку можно простить. Оливковые хочется надеть прямо сейчас.

— Спасибо, — говорю я, притягивая к себе шорты и трогая мягкий хлопок футболок. В процессе переворачивается красный купальник; на спине у него небольшой карман на молнии — туда как раз влезет мой швейцарский армейский нож.

Мама очень далеко, папы нет. Здесь только Клементина. На мгновение мне хочется ее обнять. Если не соблюдать осторожность, кончится тем, что она мне, чего доброго, понравится. Улыбка у нее такая широкая, такая картинная из-за красной помады, словно она хочет всех вокруг заразить своим собственным счастьем. Как будто сделать других людей счастливыми — легко.